

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ
«ИЗГОИ» И «БОЙЦОВЫЕ РЫБКИ»

С. Э. ХИНТОН

**ПРОЩАЙ,
ЗОЛОТОЙ ЛЕВ!**

РОМАН ПЕРЕВЕДЕН НА 10 ЯЗЫКОВ **18+**

Сьюзан Элоиза Хинтон

Прощай, Золотой лев!

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64029341

Прощай, Золотой лев! / С. Э. Хинтон: Лайвбук; Москва; 2021

ISBN 978-5-907056-89-3

Аннотация

Городок Тусла, Оклахома. 1960-е годы. Подростковые банды, бильярд, драки, убийства. Шестнадцатилетние Брайон и Марк живут в одной семье как братья и стоят друг за друга горой. Но однажды Брайон понимает, что Марк занимается грязными делами, и ему приходится делать выбор, который навсегда меняет их жизнь.

Сьюзан Элоиза Хинтон, написавшая свой первый бестселлер «Изгой» в 17 лет, остается одним из самых популярных американских авторов. Ее книги, изменившие представление о молодежной литературе и не раз экранизированные в Голливуде, включены и в школьную программу, и в списки запрещенных книг. «Прощай, Золотой лев!» (That Was Then, This Is Now) вышел в 1971 году и стал вторым культовым романом писательницы. Его читают и любят в разных странах вот уже полвека.

«Хинтон фактически изменила представления о подростковой литературе как таковой».

Анастасия Завозова, переводчик

«Сильная реалистичная история о молодости и бедности».

The New York Times Book Review

«Зрелый, выдержанный роман, который не оставляет читателя равнодушным... Такое трудно забыть».

The New York Times

Содержание

1	6
2	23
3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сьюзан Хинтон
Прощай, Золотой лев!

Дэвиду

1

Мы с Марком отправились в бар-бильярд в паре кварталов от нашего дома с одним-единственным намерением – раздобыть денег. Мы так уже делали раньше. Я очень хорошо играл в бильярд, особенно для шестнадцатилетнего, да к тому же выглядел наивным малышом, который один шар от другого не отличит. Благодаря этим двум качествам, а также подстраховке Марка, я выиграл уже не одну игру. Но вот подстава: несовершеннолетним вход в этот бильярд запрещен, потому что он совмещен с баром. Хорошо, что Чарли, бармен и владелец, был моим хорошим приятелем, а также братом девчонки, которая мне раньше нравилась. Когда мы с этой девчонкой расстались, с ее братом мы всё равно остались друзьями, что в таких случаях редкость. Чарли было всего двадцать два, но репутация у него была ого-го, и порядок он поддерживал на ура. Мы жили в довольно суровой части города, и в баре Чарли частенько происходила разная жесь.

Когда мы вошли, я огляделся кругом, ища копов в штатском (я копа всегда узнаю), но не обнаружил ни одного, так что я пошел к стойке и запрыгнул на табурет.

– Мне пива, – сказал я, и Чарли, который как раз полировал стаканы, как и любой бармен, которого вы встретите, кинул на меня мрачный взгляд.

– О'кей, – жизнерадостно сказал я. – Колы.

– Твой кредит, Брайон, не огонь, – сказал Чарли. – У тебя есть наличные?

– Несчастные десять центов! Ты мне что, колы за десять центов не нальешь?

– Кола стоит пятнадцать центов. Ты уже напился тут колы на три доллара и если до конца месяца не заплатишь, придется мне выбивать из тебя эти деньги.

Он сказал это дружелюбно, но всерьез. Чарли был мой друг, но еще он был бизнесмен.

– Я заплачу, – заверил я его. – Не беспокойся.

Чарли кривовато усмехнулся.

– Я и не беспокоюсь, парень. Это тебе следует беспокоиться.

Я и беспокоился, по правде говоря. Чарли был здоровый бугай, так что выбивание трех долларов очень даже внушало мне беспокойство.

– Привет, Марк, – крикнул Чарли. – Сегодня обжуливать некого.

Марк, который наблюдал за игрой двух парней, подошел и уселся рядом со мной.

– Да, это правда.

– Ну и слава богу, – сказал Чарли. – Когда-нибудь вы, ребята, здорово влипнете. Кто-нибудь узнает, что вы тут проворачиваете, сорвется и засунет вам кий по самые гланды.

– Не засунет, – сказал Марк. – Дай мне колы, Чарли.

– Наш кредит на нуле, – мрачно сказал я.

Марк недоверчиво уставился на Чарли.

– Ты шутишь что ли? Когда это мы тебе не платили?

– В прошлом месяце.

– Ты сам сказал, что запишешь на этот месяц. Ты сам так сказал. Так что не понимаю, почему бы тебе туда еще двадцать центов не добавить.

– Тридцать, – поправил его Чарли. – И, как я только что сказал Брайону, если в ближайшее время я не получу своих денег, мне придется вытрясти их из пары сопляков.

– Я принесу тебе деньги завтра, если прямо сейчас дашь нам по коле.

– О'кей, – согласился Чарли. Так происходило почти всегда. Такой у Марка был дар: всё ему сходило с рук. Он мог уболтать любого. – Но если завтра не получу денег, я вас найду.

Мне стало не по себе. Я однажды слышал, как Чарли сказал это одному парню. А еще я видел этого парня после того, как Чарли его нашел. Но если Марк говорит, что завтра достанет три доллара, значит, достанет.

– Кстати, насчет поиска, – продолжал Чарли. – Тут вас дитя цветов разыскивало.

– Эмэндэмс? ¹ – спросил Марк. – А чего он хотел?

– А мне откуда знать? Он странный малыш. Милый, но

---

¹ «Эмэндэмс» – название шоколадного драже M&M's. – Здесь и далее приводятся примечания переводчика.

странный.

– Ага, – сказал Марк. – Тяжеловато небось быть хиппи в нашем районе, полном шпаны.

– Говори за себя, парень, – сказал Чарли. – Если кто-то живет в нашем районе, это еще не делает его шпаной.

– Ты прав, – сказал Марк. – Но прозвучало глубоко, скажи?

Чарли странно посмотрел на него и дал нам по бутылке колы. Вечерело, подтягивались еще посетители, так что Чарли перестал с нами разговаривать и занялся делами. Народу было немало.

– Откуда ты возьмешь три доллара? – спросил я.

Марк допил свою колу.

– Не знаю.

Меня это просто взбесило. Марк всё время такое откалывал. Кому уж знать, как не мне. Марк поселился у меня, когда мне было десять, а ему девять; его родители перестреляли друг друга по пьяни, моей старушке стало его жалко, и она взяла его жить к нам. Моя мать хотела сто детей, а получился всего один, так что до того, как заполучить Марка, она кормила каждую бездомную кошку, которая проходила мимо. Нечего и говорить, сколько детей она бы подобрала, если б могла прокормить больше, чем двоих, – меня и Марка.

Мы с Марком подружились задолго до того, как он переехал к нам. Он жил на той же улице, и мне казалось, мы с ним всегда были вместе. Мы ни разу не подрались, ни ра-

зу не поссорились. Внешне мы были две противоположности: я высокий, с темными волосами и глазами, как у щенка сенбернара – ну я и не против, потому что девчонки не могут устоять перед щенком сенбернара. А Марк маленький и хрупкий, со странными золотыми глазами, волосами того же цвета и улыбкой дружелюбного льва. Он был гораздо сильнее, чем казался, – в армрестлинг он бы меня сделал. Он был мой лучший друг, мы были как братья.

– Пошли найдем Эмэндэмса, – вдруг сказал Марк, и мы вышли из бара.

На улице было темно и прохладно. Может, это потому, что началась школа – когда она начинается, всегда кажется, что наступила осень, даже если на улице жара.

Бар Чарли стоял на задрипанной улице с кучей других баров, откуда нас всегда выгоняли, стоило только зайти, кинотеатром, аптекой² и секонд-хендом, в окне которого всегда стоял плакат «Мы покупаем почти всё» – и, судя по виду одежды в витрине, плакат не врал. Когда мою старушку положили в больницу, мы так поиздержались, что я купил себе там кое-какую одежду. Так себе ощущение – покупать поношенное.

Мы нашли Эмэндэмса в аптеке, он читал «Ньюсвик»³. Вот такой он был странный малыш – вокруг стояла куча пор-

---

² В шестидесятые годы в аптеках могли продавать не только лекарства, но и косметику, сладости, газеты и журналы.

³ Newsweek – еженедельный новостной журнал.

ножурналов и всего такого. Я знаю, мелкие не должны такое читать, но хотеть-то они должны.

– Здорóво. Чарли сказал, ты нас искал, – поприветствовал его Марк.

Эмэндэмс поднял глаза.

– Ага. Как вы, ребята?

Эмэндэмс был самый серьезный парень из всех, кого я знал. Выражение лица у него всегда было наивное и доверчивое, но иногда он улыбался, и это у него выходило просто офигенно. Он был жутко милый, хоть и немного со странностями. Глаза у него были большие и серые, как у сиротки с плаката, угольно-черные волосы спускались по бокам ниже ушей, а спереди – до самых бровей. Он бы небось и бороду отрастил, вот только в тринадцать лет это не так-то просто. Он всегда ходил в старой армейской куртке, которая была ему велика, и босиком, даже когда было уже прохладно. А потом его отцу это надоело, и он купил Эмэндэмсу пару мокасин. На шее у Эмэндэмса висел пацифик на шнурке из недубленной кожи, а кличка ему досталась из-за его любви к «Эмэндэмс», шоколадным конфетам, которые тают во рту, а не в руках. Я никогда не видел Эмэндэмса без пакетика этих конфет уж не знаю, как это он умудрялся есть их сутки напролет, день за днем. Если б я ел столько сладостей, у меня лицо уже было бы размером с дом.

– Хотите? – Эмэндэмс протянул нам пакетик. Я покачал головой, а Марк взял одну конфету, просто из вежливости,

он вообще-то сладкое не любит.

– Ты нас хотел увидеть по какому-то поводу? – напомнил ему Марк.

– Ага, но я забыл, по какому.

Вот такой вот он был. Офигенно рассеянный.

– Моя сестра вернулась домой, – добавил он.

– Серьезно? – вежливо спросил Марк, листая «Плейбой».

– Которая?

У Эмэндэмса был миллион братьев и сестер, в основном, младших. Они все были очень похожи, и забавно было встречать их вместе: сидит Эмэндэмс, а вокруг мельтешат четверо-пятеро его мелких двойников с угольно-черными волосами и большими серьезными глазами. Если б мне надо было быть нянькой день и ночь, я бы, наверное, спятил и прибил бы кого-нибудь из них, но Эмэндэмс никогда не выходил из себя.

– Кэти, моя старшая сестра. Вы ее знаете.

– Ага, помню ее, – сказал я, хотя, по правде говоря, я ее особо не помнил. – А где она была?

– Училась в частной школе в прошлом году и этим летом.

Она у моей тети жила. А теперь ей пришлось вернуться, потому что у нее деньги закончились. Она сама за всё это платила.

– Умная она небось? – спросил я. Я не помнил, как она выглядит, никогда особо не обращал на нее внимания. – Такая же умная, как ты?

– Нет, – сказал Эмэндэмс, не отрываясь от чтения. Он не выпендривался, а просто сказал правду. Он был очень честный.

– Пошли в боулинг сыграем, – предложил Марк. В аптеке не то чтобы бурлила жизнь. Завтра в школу, никого из наших не было. – Пошли с нами, Эмэндэмс.

Идти было далеко, и я в сотый раз подумал, как хорошо было бы иметь машину. Мне всюду приходилось ходить пешком. Как будто прочитав мои мысли, как он это частенько делал, Марк сказал: «Я мог бы угнать машину».

– Это плохо, – сказал Эмэндэмс. – Брать то, что тебе не принадлежит.

– Это не воровство, – сказал Марк. – Я просто одолжу ее.

– Ага, конечно, только сейчас у тебя условный срок за «одалживание машин», так что это так себе идея, – сказал я.

Марк мог угнать что хочешь, он занимался этим с двенадцати лет – залезал в чужие машины и угонял. Он ни разу не попал в аварию, но однажды его все-таки поймали, так что теперь раз в неделю во время школьного обеда он должен был приходиться к своему инспектору по делам несовершеннолетних и рассказывать, как он больше никогда в жизни не будет красть тачки. Поначалу я беспокоился, что они заберут Марка и отправят его в детский дом, потому что на самом деле он мне не брат, и семьи у него нет. Я беспокоился, что его закроют. А беспокоиться не стоило: Марку всегда удавалось выйти из любой переделки без проблем, без потерь, без

переживаний.

– О'кей, – Марк пожал плечами. – Не заводись, Брайон.

– Брайон, – вдруг сказал Эмэндэмс. – А тебя в честь Лорда назвали?

– Чего? – я подзавис. Я вначале не понял, что за лорда он имеет в виду.

– В честь Лорда Брайона?

Бедняга перепутал Байрона с Брайоном. Я решил не спорить.

– Ага.

– А был какой-то Лорд Брайон? – спросил Марк. – Ого, круто, – он помолчал. – Наверное. А чем он вообще занимался-то?

– Не при детях, – ответил я.

Эмэндэмс покачал головой.

– Он стихи писал. Длинные старинные стихи. Тебе тоже надо писать стихи, просто чтобы продолжить традиции Брайонов.

– А тебе надо держать рот на замке, – ответил я, – пока я не продолжил традиции бить умников в зубы.

Эмэндэмс посмотрел на меня, и по его удивленному и обиженному взгляду я понял, что он не пытался умничать. Так что я ткнул его в плечо и сказал: «Ладно, буду писать стихи. Как тебе такое?» – и зачитал похабный лимерик, который где-то слышал. Эмэндэмс покраснел и засмеялся. Марк решил, что я его сам придумал, и сказал: «Ого, а он очень

даже ничего. Ты их прямо так можешь выдавать?»

Я только пожал плечами и сказал «иногда», потому что так можно было не говорить, сам я его придумал или нет. Я часто так делал. Я любил соврать, если знал, что мне это сойдет с рук, особенно с девчонками. Например, я говорил им, что люблю их, и всю эту чушь, хотя на самом деле не любил. Такая у меня была репутация – любимец женщин. В каком-то смысле я продолжал традиции Лорда Байрона. Иногда мне становилось тошно оттого, как я поступал с девчонками, но обычно я по этому поводу не переживал.

– Эмэндэмс, дружище, – сказал Марк, приобняв его за плечи. – Я тут подумал, может, ты сможешь одолжить своему лучшему другу немного денег?

– Ты не мой лучший друг, – сказал Эмэндэмс с обезоруживающей откровенностью, – но сколько тебе надо?

– Три бакса.

– У меня есть пятьдесят центов, – Эмэндэмс залез в карман джинсов и вытащил два двадцатипятицентовика. – Вот.

– Забудь, – сказал я.

Мы с Марком переглянулись и покачали головой. Эмэндэмс – это было что-то.

– Да берите. Мне на следующей неделе заплатят еще пятьдесят за то, что я с детьми сижу.

– Это всё, что тебе платят за всех этих детей? Пятьдесят центов? – я не верил своим ушам. Пятьдесят центов в неделю?

– А мне нормально. Я не против посидеть с детьми. Кто еще с ними посидит, если не я. Родители работают, так что они не могут. И потом, я люблю свою семью. Когда я женюсь, у меня будет девять или десять детей.

– Вот тебе и демографический взрыв, – сказал Марк.

– Ну теперь-то твоя сестра вернулась, так что она может сидеть с детьми, – сказал я, пытаюсь помочь ему. До Эмэндэмса дошло, что мы считаем его чокнутым.

– Кэти после школы работает, она не может. Не знаю, как мне вас убедить, что мне нормально.

– О'кей-о'кей, убедил, – меня тоже эта тема утомила, и потом, я начал всерьез беспокоиться о том, откуда мы до завтра возьмем три доллара. Чарли заработал свою репутацию сурового парня не милым общением с клиентами, особенно с теми, которые не платят.

Когда мы добрались до боулинга, было уже десять. Народу было немного. Мы с Марком смотрели, как другие играют, а Эмэндэмс уткнулся в свой пакет с конфетами. Наконец мне это надоело, и я спросил его, какого хрена он там делает.

– Посмотри сам, – он протянул мне открытый пакетик. – Поднеси его прямо к глазам.

Я так и сделал, но увидел только пригоршню конфет в пакете.

– Красиво, скажи? – спросил Эмэндэмс. – Ты посмотри на все эти цвета.

– Ага, – сказал я, думая, что если б я не знал Эмэндэмса,

решил бы, что он накурился.

– Дайте посмотреть, – сказал Марк, и я передал ему пакет.

– Ого, кайфово. Вот это цвета, – он отдал пакет обратно Эмэндэмсу, посмотрел на меня и пожал плечами.

Эмэндэмс встал.

– Мне пора домой. Увидимся, парни.

– Мы же только пришли, – возразил Марк.

– Я просто с вами за компанию прошелся, а теперь мне пора домой.

Я проводил его взглядом.

– Станный он малыш, – сказал я. – Станный, и всё тут.

Марк зажег сигарету, это была последняя, так что мы стали затягиваться по очереди.

– Знаю, но я от него тащусь. Ладно, пошли догоним его, тут всё равно делать нечего.

Выйдя на улицу, мы увидели Эмэндэмса на углу. У него на хвосте висели трое парней. Когда ты видишь такое в этих местах, ты сразу понимаешь: кому-то сегодня не поздоровится. В данном случае – Эмэндэмсу.

– Пошли, – сказал Марк, и мы срезали через переулок, чтобы их перехватить.

Трое на трое. Шансы были бы равные, вот только Эмэндэмс был из тех ребят, что против насилия и за мир во всем мире, а мы с Марком не захватили с собой оружия. В конце аллеи мы с Марком притормозили и перешли на шаг. Теперь мы слышали голоса парней, которые шли за Эмэндэмсом, и

один из них я узнал.

– Эй ты, дитя цветов, обернись-ка! – Они пытались поддеть его, но Эмэндэмс просто шел дальше своей дорогой.

– Это Шепард, – прошептал мне Марк.

Мы поджидали их в конце переулка, но они всё не появлялись. Видимо, прижали Эмэндэмса к стене. Мы слышали их голоса.

– Эй, хиппи, ты чего не отвечаешь, когда с тобой разговаривают? Это некрасиво.

– Кудряха, чего бы тебе не оставить меня в покое? – голос Эмэндэмса звучал очень терпеливо. Я перешел на другую сторону аллеи как раз вовремя, чтобы увидеть, как Кудряха выхватил нож и перерезал шнурок, на котором висел пацифик у Эмэндэмса на шее. Пацифик упал на землю, Эмэндэмс нагнулся, чтобы его поднять, и тут Кудряха врезал ему в лицо коленом.

Мы с Марком переглянулись, Марк ухмыльнулся. Мы оба любили драться. Мы выскочили из укрытия и накинулись на них. Один сразу же свалил, и это было мудрое решение. Мы застали их врасплох, так что припереть их к стенке оказалось несложно.

Я заломил Кудряхе руку за спину, а Марк повалил другого парня на землю и уселся сверху.

– Хочешь руку сломаю, Шепард? – проговорил я сквозь зубы, стараясь не ослаблять хватку. Его нож валялся рядом на тротуаре, но я не знал, что еще у него может быть с собой.

Он был парень суровый.

– О'кей, убедил. Пошли, Дуглас, – Кудряха прибавил еще кое-что, что я не стану повторять. Он наверняка догадался, кто заламывает ему руку, когда увидел Марка: мы с Марком всегда были вместе. У Кудряхи был на меня зуб. Я раньше встречался с его сестрой. Она говорила, что это она меня бросила (и это правда), но я рассказывал, что это я ее бросил, и придумывал всякие прикольные причины. Кудряха был туповат; он состоял в банде своего брата Тима, известной как банда Шепарда. Очень оригинально. Тим был еще ничего, у него по крайней мере были мозги, а вот Кудряху я считал тупицей.

– Мы ему ничего не сделали.

Это была неправда: Эмэндэмс сидел, прислонившись к стене, щека у него уже опухла и начинала синеть. Он пытался связать концы порванного шнурка, руки у него тряслись.

– Отпустите их, – сказал Эмэндэмс. – Я в порядке.

Я в последний раз крутанул Кудряхе руку – чтобы запомнил – и пнул его так, что он отлетел. Марк выпустил другого парня, но когда тот уже почти встал, хорошенько наподдал ему. Они потащились прочь, костеря нас с Марком, частично на английском, частично на языке жестов.

Марк помог Эмэндэмсу подняться.

– Давай, малыш, – просто сказал он. – Доставим тебя домой.

У Эмэндэмса был синяк на пол-лица, но он посмотрел на

нас с одной из своих редких задумчивых улыбок.

– Спасибо вам, ребята.

Марк внезапно рассмеялся.

– Смотри-ка, что у меня есть, – и он помахал перед моим носом тремя долларовыми купюрами.

– Откуда ты их взял? – спросил я, хотя я отлично знал, откуда.

Марк соображал быстро, его не надо было учить, как угнать машину или подчистить чужие карманы.

– Это был добровольный взнос, – серьезно сказал Марк.

Это была старая шутка, но Эмэндэмс попался:

– Что за взнос?

– Чтоб не сломали нос, – сказал Марк, и Эмэндэмс хотел было рассмеяться, но вместо этого скривился от боли. Я чувствовал себя отлично. Теперь можно было не беспокоиться, что Чарли нас отделает.

Вдруг Марк пихнул меня.

– Хочешь еще немного поразвлечься?

– А то, – сказал я.

Марк двинулся к следующему перекрестку. Там стоял темнокожий парень и ждал зеленого света.

– Можем ему навалить – сказал Марк, но тут подал голос Эмэндэмс.

– Тошно мне от вас! Вы только что меня спасли от каких-то чуваков, которые прикопались ко мне, потому что я не такой, как они, а теперь вы сами собираетесь прикопаться

к нему, потому что он не такой, как вы. Вы считаете меня странным, но на самом деле это вы странные.

Мы с Марком остановились и устали на Эмэндэмса. Он плакал. Я бы, наверное, меньше удивился, если б он взял и растворился в воздухе. В нашем районе не увидишь, как парень плачет, если только у него нет причины куда серьезнее, чем была у Эмэндэмса. Он вдруг бросился бежать, не оглядываясь. Я хотел было бежать за ним, но Марк поймал меня за руку:

– Оставь его в покое, – сказал Марк. – Он просто сам не свой после того, как эти парни к нему прицепились.

– Ага, – сказал я. Это было похоже на правду. Такое и со мной бывало раньше, я помнил, как это стремно. И потом, Эмэндэмс был еще ребенок, ему только исполнилось тринадцать.

Марк нагнулся и поднял что-то с земли. Это был пацифик Эмэндэмса – видимо, упал, когда Эмэндэмс кинулся бежать. Не так уж хорошо он связал концы шнурка.

– Напомни мне ему отдать, – сказал Марк, сунув пацифик со шнурком себе в карман. – Давай зайдем к Чарли и отдадим ему три бакса, пока я не закупил на них сигарет?

– О'кей, – сказал я. Мое хорошее настроение куда-то улетучилось. Я размышлял о том, что сказал Эмэндэмс, про тех, кто не похож на других. В этом было много правды. Богатые детки любили приезжать в нашу часть города и высматривать, к кому бы прикопаться. Потом около года назад пару

ребят убили в такой драке, и эти потасовки постепенно прекратились. Но у нас всё равно то и дело сходились банды, или народ из разных клубов устраивал месилово, или просто кто-то к кому-то прикапывался, как сегодня Шепарды к Эмэндэмсу – такое вообще происходило каждый день. Я в принципе не возражал, если только прикапывались не ко мне. Я любил драться.

– Пошли, – позвал Марк, – может, облапошим кого-нибудь у Чарли.

Я усмехнулся и рванул вслед за ним. Марк был моим лучшим другом, я любил его как брата.

2

На следующий день после школы мы с Марком отправились в больницу навестить мою мать. Ей только что сделали серьезную операцию, из тех, что стоят кучу денег. Мы продали нашу машину – старый «шевроле», – наш черно-белый телевизор, и всё остальное, что смогли найти на продажу, но денег всё равно не хватало.

Я уже несколько недель искал работу. Марк пошарился где-то и принес немного денег; я не стал спрашивать, откуда он их взял, а сам он не сказал, так что я решил, что где-то украл. У Марка были с этим делом реальные проблемы. Он крал вещи и перепродавал, или крал и оставлял себе, или крал и раздавал. Меня это не беспокоило. Он был слишком умен, чтобы попасться. Он начал красть в шесть лет. Я мог спереть разве что пачку сигарет в магазине, ну и всё. Я был мастер обыгрывать простаков в бильярд, а Марк был вор. У нас был крутой дуэт. Но вот в чем штука: Марк не видел в этом ничего дурного, а вот я видел. Мне было по барабану, вор Марк или нет, но я чувствовал, что красть плохо, что это по меньшей мере противозаконно. Марк, думаю, об этом лишь смутно догадывался. Для него красть было игрой – он так развлекался и добывал деньги; он старался не попасться, потому что это было одно из правил игры.

Так мы и жили: крали всякие штуки и перепродавали, пы-

таясь и отложить денег, и прокормиться. Тогда я об этом не думал, но теперь вижу, что это были трудные времена.

Короче, нам с Марком удалось поймать попутку почти что до самой больницы. Нас подвез на своем «фольксвагене» какой-то длинноволосый бородастый хиппи. Хиппи просто фанатеют от этих автобусов, уж не знаю почему. Этот парень сказал, что его зовут Рэнди и что он учится в колледже в нашем городе, изучает английский. Он, видимо, был парень не робкого десятка: мы с Марком оба выглядели как крутые ребята, которые наезжают на хиппи, и однажды мы уже это делали. Мы пошли в городской парк, где тусуются хиппи, просто чтобы кого-нибудь отлупить. Но я бы так больше делать не стал. Я не знал, что эти чуваки не дают сдачи, так что когда мы поймали одного, а он не стал драться, мне стало тошно, да и Марку тоже. С тех пор мы оставили их в покое.

Рэнди рассказал нам про крутое место, где жили его друзья: они снимали вскладчину какой-то старый дом, и любой, кто хотел, мог прийти туда жить и отвисать в мире и добре. Я ему не особо поверил – при таком раскладе точно найдутся халявщики, да и потом, я бы озверел, живя с толпой народу, особенно если народ этот грязный и волосатый. Но я был вежлив и сказал: «Звучит круто», – хоть мне так и не показалось. А вот Марк заинтересовался и стал спрашивать Рэнди про это место: где это, кто там живет, и есть ли еще такие места. Марк много чем интересовался – он знал всё про Дикий Запад и про мультики «Уорнер Бразерс», – так

что меня не парило, что он вдруг так возбудился от истории про то, как живут хиппи.

Когда мы вылезли из автобуса, Рэнди поднял два пальца и сказал «Пис», а Марк поднял пацифик Эмэндэмса, который он в шутку надел, и ухмыльнулся. Мы переглянулись и расхохотались – не со зла, просто нам правда было смешно.

Мама нам обрадовалась, но не то чтобы в больнице ей было одиноко. В нашем районе все всё друг про друга знали, так что женщины приходили ее навестить – минимум пара в день. А еще они приносили всякую хрень для нас с Марком: пироги, картофельный салат. Пироги доставались мне, а Марк забирал себе остальное, потому что терпеть не мог сладкое. Исключение – кола да иногда пара эмэндэмсин из вежливости, когда Эмэндэмс предлагал. В итоге я набирал вес – впрочем, особой опасности растолстеть не было, кажется, я каждую неделю рос на дюйм или около того, – а вот Марк оставался тонким и легким. Глядя на Марка, вы бы никогда не догадались, какой он сильный, но я-то знал по опыту армрестлинга, что он тот еще кремень.

Как обычно, о себе мама думала в последнюю очередь. Только мы зашли к ней и получили свою порцию объятий, как она уже рассказывала нам про бедного мальчика в палате напротив, к которому никто никогда не приходит.

– Откуда ты знаешь? – спросил я. – Тут столько народу ходит. Откуда ты знаешь про какого-то мальчика из палаты напротив?

– Мне сказала медсестра. Бедный, он не старше вас с Марком. . .

Неудивительно, что она про него знала. Если в радиусе трех миль бродила хромая собака, мама ее непременно обнаруживала. Но меня это не парило. Благодаря маме у меня был брат.

– Брайон, пообещай мне, что зайдешь к нему.

Я застыл.

– Я же его не знаю. Я же не могу просто зайти к нему и сказать: «Эй, привет, соскучился по гостям? Мама мне сказала, к тебе никто не ходит».

– Брайон, просто поговори с ним. С медсестрами он почти не разговаривает. Его сильно покалечили, бедняжку.

– Хорошо. Я к нему зайду, – сказал Марк. – И Брайон со мной.

Я мрачно покосился на него, а он продолжал:

– Кто знает, может, когда-нибудь кто-то из нас окажется в больнице, и никто не будет к нему приходить.

Мама всегда на такое ведется, и Марк это знал. Когда мы вышли, я остановился в коридоре.

– Зачем ты ей сказал, что мы пойдем к этому парню?

Марк пожал плечами.

– Я и пойду. Почему нет?

Так делал Марк и никто больше.

– Ну а я не пойду. Спущусь в буфет, съем гамбургер. Ты не голодный?

Марк покачал головой.

– Не-а. Потом приду туда за тобой.

Я спустился на лифте на первый этаж. В буфете я уселся на высокий стул за барной стойкой – привык к таким у Чарли – и стал перечитывать меню снова и снова, воображая, что бы я заказал, если б мог. Я обожал есть. Я мог уничтожить больше еды, чем любой из моих знакомых. В шестнадцать я был ростом пять футов десять дюймов⁴ и продолжал расти. В четырнадцать я был тот еще дрищ, но потом окреп и теперь гордился своим спортивным сложением. Я мог бы стать футболистом, но футбол меня не привлекал. Я любил играть в футбол у себя во дворе, но любые серьезные тренировки нагоняли на меня тоску. И потом, я бы ни за что не согласился, чтоб тренер мною помыкал. Я никогда не соглашался, чтобы мной командовали, уж не знаю почему. Может, это из-за тех двух копов, которые избili меня, когда мне было тринадцать. Я пошел в кино с ребятами (забыл, где был в тот день Марк), мы взяли с собой вишневою водку в бутылке из-под колы, ну и напились. На вкус это было просто чудовищно, но я был тупица и пил, просто чтобы доказать, что я такой же крутой чувак, как остальные. Когда фильм закончился, и я стал шариться по улицам один в темноте, эти копы подобрали меня, отвезли на холм в другой части города, отлупили и оставили там. Я так и не забыл ту историю. Пить я от этого не перестал, зато утратил всё уважение к копам. Нет, конечно,

---

⁴ Около 178 см.

хорошие копы тоже где-то есть, мне они просто ни разу не попадались. С тех пор я взял за привычку всегда огрызаться на копов – может, поэтому мне хорошие и не попадались.

И вот сижу я там, читаю меню, слышу голос: «Могу я принять ваш заказ?», и вижу ну очень хорошенькую девчонку. Она мне широко улыбается и говорит: «Привет, Брайон! Что ты здесь делаешь?» Я начинаю ломать себе мозг, вспоминая, откуда я ее знаю. Она и правда мне показалась знакомой, и чтобы выиграть время, я сказал:

– Пришел проведать свою старушку. Ей только что сделали операцию. Я не знал, что ты тут работаешь.

– Только на этой неделе начала. Но ты же знал, что я вернулась, да?

– Ага, – сказал я. Мозги у меня кипели, я не мог вспомнить, кто она.

У нее были кайфовые длинные темные волосы с угольным отливом – длинные волосы с челкой меня просто сводят с ума. Не очень-то многим девчонкам идет такая прическа. И большие красивые глаза, темно-серые, с черными ресницами; ресницы у нее были реально длинные, но настоящие. Я долго изучал девушек и в таких вещах разбираюсь.

– Ничего себе ты вырос, – сказала она. – С нашей последней встречи, наверное, на целый фут.

– Давно это было, – сказал я. Ну раз уж я вырос на целый фут, видимо, и правда давно. – Как у тебя дела?

– Хорошо, мне повезло с этой работой. Слушай, сделай

уже заказ, я не могу просто стоять тут и разговаривать с посетителями.

– Да, конечно, я буду гамбургер и «Пепси».

Она ушла, а я чуть умом не тронулся, пытаюсь вспомнить. Я с ней не встречался. Я много с кем встречался, но точно вспомнил бы всех, если б увидел. И потом, она вела себя дружелюбно, а после того, как ты расстался с девчонкой, она обычно не станет вести себя дружелюбно. Она выглядела очень знакомо, я был готов поклясться, что видел ее не так давно. В общем, кем бы она ни была, я хотел увидеть ее снова. Я уже заметил, что она не носила на шее кольцо или еще какой-нибудь знак, что она чья-то собственность – я привык обращать внимание на такие вещи. Я уже не раз попадал в те еще переделки с парнями, о чьем существовании даже не подозревал.

– Твой гамбургер.

Я посмотрел на нее, и она мне улыбнулась, и улыбка у нее была такая крутая, что осветила всё лицо. Я совсем недавно видел эту улыбку, и тут до меня дошло, кто она, и я так удивился, что сказал вслух: «Кэти!»

– Ну да, – она, похоже, удивилась не меньше моего. – А ты думал, кто?

– Когда мы виделись в прошлый раз, у тебя была короткая стрижка и брекеты, – сказал я, забыв, что сердцеед никогда не напоминает девушке о тех временах, когда она была тощей и стремной или толстой и стремной, или носила корот-

кую стрижку и полный рот железа.

– Это правда. Брайон, хочешь сказать, ты меня не узнал?

– Не-а.

Не знаю, почему это так ее потрясло. Даже во времена короткой стрижки и брекетов мы были не то чтобы лучшие друзья. Я никогда особо не обращал на нее внимания.

– Я тебя узнал только потому, что ты когда улыбаешься, становишься очень похожа на Эмэндэмса.

– Буду расценивать это как комплимент, – сказала она, отдавая мне чек. – Эмэндэмс – прекрасный ребенок, и улыбка у него тоже прекрасная, как его душа.

– Он хороший малыш, – согласился я.

Она повернулась и собралась уходить, но я сказал:

– Подожди!

Я еще не успел придумать, что сказать, так что когда она повернулась, я слегка замямлил.

– В смысле... Мы так давно не виделись... Я бы хотел как-нибудь еще с тобой поболтать...

Как-то я не дотягивал до собственного представления о себе. Я же никогда не мямлю.

– Хорошо, – сказала она, – как-нибудь поболтаем.

Я хотел спросить, когда, но не стал. С девчонками важно не переусердствовать, а то они начинают воображать неизвестно что.

Я подождал Марка, но он всё не появлялся, так что я поднялся на лифте обратно на мамин этаж. Я прошел в палату

напротив маминой, где должен был быть этот парень. Парень там был, а вот Марка не было. Парня этого отделали как следует. У него были повязки по всей голове и еще одна на глазу, швы на нижней губе, и обе руки висели на перевязях.

– Привет, ты Брайон?

Он посмотрел на меня здоровым глазом.

– Марк сказал подождать его, он скоро вернется. Он пошел в магазин купить мне комиксы.

По тому, как он разговаривал, я понял, что он из района вроде моего. Оно и понятно – это была благотворительная больница.

– Заходи, – сказал он, – бери стул.

Я так и сделал. Я не знал, что ему сказать.

– Ты брат Марка? Вы не очень-то похожи.

На мгновение мне стало очень приятно, что Марк сказал ему, что мы братья. Конечно, мы были не похожи: Марк с его золотыми волосами, странными золотыми глазами и легким сильным телом, и я – крупный и рослый, с карими глазами и каштановыми волосами. Так что я сказал: «Ага, не похожи».

– У меня тоже есть брат, старший, и мы с ним тоже не очень-то похожи.

Я огляделся в поисках таблички «Не курить».

– Тут можно курить?

– Конечно, если тебя не засекут. Не возражаешь, если я затанусь пару раз?

– О'кей, – сказал я, зажег сигарету и вложил ему в рот.

Когда я вытащил ее, он сказал:

– Спасибо. Я уже неделю не курил. Меня зовут Майк Чемберс.

– А меня Брайон Дуглас. Чувак, выглядишь ты жутко. Что случилось?

Я уже начинал радоваться, что все-таки зашел к нему. Жестко, наверное, валяться в больнице, от которой тебя трясет, и даже поговорить не с кем.

– Избили меня, – сказал он с кривой улыбкой.

Я не верил своим ушам: думал, он попал в аварию или что-то в этом роде.

– Я бы посмотрел на чувака, который был с другой стороны, – в конце концов сказал я.

– Это долгая история, – сказал Майк. – У тебя есть время на долгую историю?

– Конечно, – сказал я. Я люблю послушать про то, что происходит с людьми. Наверное, поэтому я люблю читать.

– В общем, если тебе начнет казаться, что я никогда не заткнусь, просто скажи. До того, как вы с Марком зашли, я уже сто лет ни с кем не разговаривал. С медсестрами-то особо не поболтаешь.

Это я понимал. О чем вообще говорить с медсестрами?

– В общем, – начал Майк, – у меня всегда была слабость к девчонкам. Я всегда строил из себя эдакого Сэра Галахада⁵, открывал им двери, делал комплименты даже тем, кто на

---

⁵ Сэр Галахад – персонаж цикла легенд о Короле Артуре, один из рыцарей

самом деле так себе, и обошел в этом деле кучу парней, которые выглядят куда лучше меня, – они никак не могли понять, как мне это удавалось. Но это был не просто образ; я, видимо, тот еще простофиля – не раз попадался, одалживал денег девчонкам, которые рассказывали свои слезовыжимательные истории, но я всегда верил в лучшее в каждой девчонке, пока не убеждался в обратном, такой у меня принцип.

И принцип этот объясняет мое поведение той ночью. Мы с парнями тусовались в магазине, и тут заходит какая-то черная девчонка купить сигарет. Ну а я просто вижу красотку с офигенными глазами чернильного цвета, очень нежными. Я, видимо, странный какой-то, потому что ничего против темнокожих не имею. В смысле, бывает, увидишь черного парня с белой девчонкой – и мне вообще пофиг, а большинство белых парней просто видеть такое не могут. Например, мои ребята – она только вошла, а они уже напряглись, потому что там, где я живу, редко увидишь черного, что парня, что девчонку. Думаю, она работала в центре, поздно закончила и по пути на остановку решила заскочить за сигаретами. Может, она мне это потом рассказала, точно не помню.

И вот берет она свои сигареты и направляется к двери, и тут пара ребят перегораживает ей путь. Вообще-то парни, с которыми я сейчас тусуюсь, отличные ребята, разве что пара умников найдется на всю банду, но дело в том, что ничего не происходило, они заскучали, ну и стали прикапываться

к девчонке, называть ее черной красоткой и всякими другими кличками. Они всё не успокаивались, и мне стало жалко девчонку. Она стояла, опустив глаза, и только повторяла: «Отпустите меня, пожалуйста», – очень мягко. Парни стали толкать ее туда-сюда, больно ей не было, но перетрусилась она будь здоров. Обеими руками вцепилась в свою сумку, как будто изо всех сил старалась не броситься бежать, и это было правильно. Убегаешь – будь готова, что они бросятся за тобой, и если поймают, то уже не в освещенном магазине. Старик, который работает в магазине, слился. Он жутко боится ребят, уж не знаю почему. Мы ему ничего плохого не делали.

И вот когда один из парней схватил ее и реально разошелся, я решил, что хватит. Я подошел к нему и сказал: «Отпусти ее», – так, что он понял, что я это всерьез. Они все смотрели на меня какое-то время, прикидывали, накинуться на меня или нет. Обычно мы друг друга не трогаем, но бывало и такое. В конце концов они решили, что нет. Моего старшего брата в нашем районе знают, он парень суровый. Он сейчас в тюрьме, поэтому не заходит ко мне. Это из-за него они ко мне не полезли, у меня-то самого никогда такой репутации не было.

В общем, они бросили девчонку и снова взялись за комиксы, а я вывел ее на улицу. Она так отчаянно озиралась, что я сразу понял, что ее автобус ушел. Я сказал: «Слушай, если ты пропустила автобус, я могу тебя подвезти домой».

Она даже глаз не подняла и сказала кое-что – но это, брат,

я повторять не стану. Она решила, что у меня дурные намерения. Я ее не виню. Да если б я такое пережил, что она только что, я б тоже был злобным и подозрительным.

Я сказал: «Слушай, я не буду к тебе клеиться, ничего такого...» Она так странно на меня посмотрела, что я быстро добавил: «Не в смысле, что ты некрасивая или что просто тебе тут придется час стоять и ждать следующего автобуса, а я уеду, и уж не знаю, что этим ребятам в голову взбредет».

Она поняла, что я прав: уже темнело. Копов у нас там особо не бывает, улица довольно пустынная. Сам знаешь копов – на Ленте их целые толпы, следят, чтобы богатые детки друг друга не переехали и не поубивали, а мы можем хоть горло друг другу перерезать, им хоть бы что.

В общем, она согласилась, чтоб я отвез ее домой. Мой старый форд стоял на парковке у магазина, он вообще-то моего брата, но брат мне разрешил брать машину, когда его повяжут, а это частенько случается. Он парень хороший, но если ты сделал себе репутацию в драках, кто-то всё время тебя подначивает. В последний раз мой брат разбил бутылку о чью-то голову и загремел за нападение с опасным оружием. Раньше он никогда не брал в руки оружие, но тут, видно, всё старое ему приелось. Его взяли уже не впервые, и в этот раз – по-серьезному.

В общем, сели мы в мой форд, и я увидел, что бедная девчонка всё еще напугана, вцепилась в свою дверь, как будто готовилась выпрыгнуть в любую секунду. Я ее наконец хо-

рошенько рассмотрел: такая стройная, что ее ветром может сдуть, волосы до плеч, похоже, она их выпрямила. Желтое платье, желтые туфли и соломенная сумка на коленях. Одной рукой она держала сумку, а второй уцепилась за ручку двери. Она была очень хорошенькая.

И я стал с ней разговаривать – вообще про всё. Ей, небось, влетит от ее старухи за то, что поздно пришла? Моя бы мне точно устроила. Да уж, вечно они против всего хорошего, скажи? Но бывает, что без них никак. Она ходит в школу? Я – да, ну и тошно там сидеть целый день. Я хотел бросить, но моя старуха сказала, что убьет меня, если я только попробую.

Я болтал и болтал; я так обычно делаю с животными, если им больно или страшно, и вскоре они перестают бояться. К животным у меня тоже слабость.

Я видел, что она постепенно успокаивается, по крайней мере, ручку она отпустила. Она даже однажды улыбнулась, уж не помню, что я ей такого сказал. А потом я говорю: «Мне жаль, что с тобой такое случилось», – и она вдруг начинает рыдать.

Это была такая встряска, чувак. Я вообще не знаю, что делать, когда девчонки начинают плакать.

Тут Майк остановился, и я дал ему затянуться еще раз.

– Странно, – сказал я. – А мне наоборот скучно становится, когда они плачут. Давай, Майк, рассказывай дальше.

– В общем, я не знал, что делать. В конце концов я сказал: «Эй, ну не плачь», – а это никогда не работает. Она продол-

жала всхлипывать, и я потихоньку начал разбирать слова. Я так понял, что ее достало, что до нее всё время докапываются белые. Это я понимал. Меня тоже бесило, что до меня докапываются копы, учителя, мой старик и богатые детки в школе. В общем, я ее понимал. Прикинь, Брайон, мой старик не пускает мою мать ко мне в больницу? Говорит, я сам дурак, что попал сюда. В общем, девчонка эта рассказывает мне про свои проблемы и матерится по полной, но ничего такого, чего не позволяют себе белые девчонки. Я съехал на бордюр и полез в карман, а она вся подобралась и села прямо.

«Зачем мы остановились?» – спрашивает она, а я говорю: «Я думал, у меня есть платок, но похоже, нет».

Я выехал обратно на дорогу. Она посмотрела на меня – я смотрел на дорогу, но чувствовал, что она на меня смотрит, – и сказала: «Спасибо».

Я отвез ее домой. Она живет на севере, там же, где большинство черных, ты знаешь, где это. Так себе райончик, примерно как мой. Когда я притормозил у ее дома, куча детей крутилась на крыльце и вокруг.

«Ну вот», – сказал я, немного нервничая. Учítывая, как она хваталась за дверь по пути сюда, сейчас она что-то вообще не торопилась вылезать. А может, мне показалось. Может, она устала столько плакать.

Дальше вокруг моей машины столпились все эти черные ребята. Какой-то огромный парень открыл дверь и вытащил ее и сказал: «Что такое, Конни? Что случилось?»

По ней было видно, что она плакала.

А дальше они открыли мою дверь и вытащили меня. Как будто сотня черных лиц разом уставилась на меня. Наверное, их на самом деле было человек двенадцать, но казалось, что сотня. Я просто стоял, прижавшись спиной к машине. Да, чувак, перетрусил я знатно. Да еще девчонка эта снова расплакалась и не могла ничего сказать.

Майк замолчал. Он уставился куда-то в пустоту и когда снова заговорил, стал рассказывать медленно, как будто заново переживал тот вечер.

Огромный чувак подошел ко мне.

«Ты обидел ее, белый парень?»

«Нет», – сказал я, и вышло не очень-то громко, так что я откашлялся и повторил: «Нет», – и вышло так громко, как будто я кричал.

Было очень тихо, слышно было чей-то телек с другого конца улицы, и как лает собака в квартале от нас, и как всхлипывает Конни. Я слышал даже, как колотится мое сердце. И тут огромный чувак говорит тихо-тихо: «А что если мы тебе не поверим?»

Я так испугался, что чуть не заревел, и сказал: «Спросите ее, просто ее спросите».

Он посмотрел на нее через машину и спросил: «Конни, что мне сделать с этим белым пижоном?»

И нежно-нежно – голос у нее был очень нежный, прямо как ее глаза, – она сказала:

«Убей белого ублюдка».

Ну и им это почти удалось.

Наступило долгое молчание. Майк, похоже, забыл, что я его слушаю. Потом он глубоко вздохнул.

– И вот так я сюда и попал. Наверное, я и правда туповат, как говорит мой старик, потому что я всё равно так и не стал ненавидеть черных, особенно Конни. Я даже почти понимаю, почему она так поступила. Почти.

Я покачал головой.

– Это полный отстой, жаль, что с тобой такое произошло.

– Это точно, – донесся у меня из-за спины голос Марка.

Он стоял в дверях, уж не знаю, как долго.

– Пошли, Брайон, – сказал он. – Вот твои комиксы, – и он кинул пару комиксов про монстров на кровать Майка.

Пока мы шли к лифту, Марк сказал: «Я склонен согласиться с его стариком, он и правда дурак».

– Ты считаешь? – спросил я. Я всё думал об этой истории и вполне мог понять эту тему насчет того, что он не ненавидит тех, кто его избил.

– Ага. Чувак, да если б кто меня так отделал, я бы его возненавидел на всю оставшуюся жизнь.

Тогда я не стал особо размышлять над его словами, но потом я еще не раз думал о них и, бывает, думаю до сих пор. Всё думаю и думаю, пока не почувствую, что начинаю сходиться с ума.

3

Я весь город обошел в поисках работы. Она была мне очень нужна, но не так-то легко найти работу, если тебе шестнадцать и у тебя нет ни опыта, ни знакомств. И тут мне пришла в голову блестящая идея – я попрошу Чарли меня нанять. Мы же друзья, в конце концов. Он считал меня смышленным парнем, а так как сам он был такой же, он это ценил. И потом, я подумал, что мне отлично пойдет работа в баре.

Чарли ответил коротко и по делу: нет.

Я сидел в баре, курил сигарету и пытался побороть гнев и разочарование. Я всю неделю автостопил по городу в поисках работы.

– Но почему нет? – спросил я, как только смог говорить, не опасаясь потерять лицо.

– Для начала, ты сам знаешь, как часто сюда наведываются копы в штатском. Думаешь, они не будут возражать против детского труда? Тебе еще повезло, что я разрешаю тебе тут сидеть. И потом, Брайон, ближе к ночи тут становится довольно жестко. Да-да, я знаю, ты суровый парень, все вы так думаете, но ты просто поверь мне: лучше тебе поискать работу в другом месте.

– Где, например? В этом городе нет работы! Я уже был везде, эта дыра – последнее место в моем списке.

Я был вне себя.

Но Чарли не обиделся, а только усмехнулся.

– Брайон, ты вообще-то, по большому счету, честный парень, но врешь, бывает, как сивый мерин. Возьми вот Марка – я б ему не доверил ничего, что не приколочено, но вот словам его я верю. А тебе я бы доверил свою жену, если б она у меня была, я доверяю твоим действиям, а вот заявлениям твоим – ни черта. Подумай об этом, и ты поймешь, почему тебя всё еще не взяли на работу. Просто подумай об этом.

В тот момент я был слишком зол, но пообещал себе подумать об этом позже. Я прислушивался ко всему, что говорил Чарли, потому что он был реально умный. Его выгнали из школы, но он умел складывать и вычитать в уме быстрее калькулятора, а еще он читал всё, что читал я, а это немало. И потом, в детстве он был еще покруче меня, а теперь у него было свое дело, и его уважали наравне и копы, и крутые парни.

– О'кей, – сказал я. – Раз ты так мне доверяешь, может, одолжишь мне свою машину в субботу вечером?

Это я просто брякнул наобум. Я вообще не рассчитывал, что Чарли даст мне свою машину, но в последнее время я немало думал о Кэти. Я ей даже позвонил пару раз – из телефона-автомата, потому что мы больше не могли платить за телефон, а в субботу я хотел пойти с ней на танцы, но у меня не было машины.

– О'кей, Брайон, можешь взять мою машину. Но смотри,

чтобы когда вернешь, бензина было столько же, сколько когда ты в нее сядешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.